

А цзюньфэнский снежный ибис, казалось, явился исключительно ради того, чтобы спасти людей: пронесась ураганом над полем боя, он взмыл ввысь и улетел вдаль.

Все, кто наблюдал за этой грандиозной битвой, отчаянно ловили ртом воздух, их груди содрогались.

Происходящее почти выходило за рамки человеческого понимания. Разве это всё ещё та самая Земля?

Лысый Хун с изумлением произнес: — Старина повидал на своем веку немало всякого, но за последние несколько дней умудрился увидеть столько диковин, сколько хватило бы на всю жизнь. Хе-хе, даже помереть теперь не жалко.

Ли Дуокай поднялся на ноги, огляделся вокруг: те ледяные шипастые скорпионы кто подох, а кто разбежался. Он тут же скомандовал: — Буря становится всё сильнее, уходим немедленно!

Все спрыгнули со скалы и пустились бегством. Цай Ян подобрал свой ботинок и попутно запрятал в рукав одно из шип-жальце ледяного скорпиона, подобранное с земли.

Имея в проводниках Цзанди Сюанькуня, отряд и впрямь спустя с десятков ли заметил храм.

Золотистые стены святилища безмолвно высились посреди дикой местности. По всему было видно, что некогда здесь бурлила жизнь и подношений было не счесть, но теперь от бывшего величия остался лишь один главный зал.

Храм был построен у подножия горы, чья белёсая стена излучала едва заметное сияние. У основания скалы на уцелевших храмовых стенах виднелись следы трех цветов: белого, символизирующего Авалокитешвару, ярко-алого цвета Манджушри и лазурного, принадлежавшего Бодхисаттве Ваджрапани.

Цзанди Сюанькунь произнес: — Мы пришли.

В его тоне невозможно было расслышать ни печали, ни радости, однако у Ли Дуокаля от этого почему-то защемило сердце. Он невольно взглянул на юношу и спросил: — Ты уже бывал здесь?

Цзанди Сюанькунь легко улыбнулся: — Ага, раньше часто захаживал.

Он шагнул вперед первым и толкнул тяжелые двери главного зала.

На ослепительно сиявших золотом деревянных створках был вырезан сложнейший тибетский буддийский узор.

Сразу бросалось в глаза, что сюда уже очень давно никто не заглядывал.

Стоило дверям распахнуться, как ворвавшийся снаружи порыв ветра принес с собой доносящийся из глубины зала размеренный гул молитвенных барабанов.

Изначально величественные звуки буддийских песнопений в этот миг казались пугающе жуткими и зловещими.

Ли Гуй пробормотал: — Почему это место такое жуткое?

Ли Дуокай одёрнул его: — Не болтай ерунды.

Хотя на дворе стоял разрушенный и лишенный всяких устоев конец света, в подобных местах всё же следовало сохранять почтение — в конце концов, они здесь лишь ночные гости.

Когда створки распахнулись до конца, в нос ударил странный аромат. Цзанди Сюанькунь бросил: — Заходите.

Все гуськом протиснулись внутрь.

Перед ними открылся просторный зал.

Золотистые молитвенные флаги под дуновением ветра мгновенно обратились в пыль, и лишь стоявшая в самом центре главного зала гигантская золотая статуя Бодхисаттвы по-прежнему излучала милосердие, погрузив тяжелый взгляд на прибывших.

Страх в сердцах людей постепенно рассеивался под величественным взором божества, а души обретали умиротворение. Цзанди Сюанькунь подошел ближе и задрал голову, вглядываясь в лик Будды.

Лысый Хун тоже приблизился, с сомнением оглядел статую, а затем перевел взгляд на юношу: — Братец, а мне вот кажется, будто ты со старым знакомцем встретишься, ха-ха!

Цзанди Сюанькунь мягко улыбнулся: — Устраивайтесь где кому нравится, я уже побеседовал с ним. Только не трогайте то, к чему не положено прикасаться, и не шастайте где попало.

Услышав это, Ли Дуокай подошел ближе и почтительно поклонился статуе.

Сам он не был религиозен, но уважение проявлять умел.

Лысый Хун развалился прямо на молитвенном коврике перед изваянием и, глядя на Ли

Дуокаля, с ухмылкой произнес: — Я в былые времена хаживал в Храм Джоканг, правда, от него уж ничего не осталось. Вот там поистине красотища была, такая громадина!

Янь Чунь вошел последним, плотно притворил за собой дверь и, подойдя к остальным, сказал: — Сяо Кай, я только что снова видел тех огромных черных рыб.

Ли Дуокай кивнул: — Я тоже их заметил.

Помолчав, он добавил: — Брат Чунь, как думаешь, что они вытворяют? Почему они вечно появляются как раз во время бурь и наводнений?

Янь Чунь покачал головой и тяжело вздохнул: — Нынешний мир мне уже совсем не понять.

Цзанди Сюанькунь поинтересовался: — А что думает брат А-Кай?

Ли Дуокай посмотрел на него: — Ты ведь знаешь, да?

Цзанди Сюанькунь рассмеялся: — Брат А-Кай считает, что Сюанькунь — небожитель?

Он подошел к дверям и выглянул наружу сквозь узкую щель.

— Но мне кажется, что они не замышляют ничего дурного.

— Не трогай! — внезапно рявкнул Янь Чунь.

— Тц! Да эта рухлядь никому сто лет не нужна, чего мне просто посмотреть нельзя? — Цай Ян стоял перед небольшой нишей в боковом прилове, сжимаго в руках крошечного золотого Будду.

Лицо Цзанди Сюанькуня мгновенно похолодело. Он подскочил к нему, вырвал статуэтку из рук, водворил её обратно в нишу и ледяным тоном процедил: — Если еще хоть раз прикоснешься к чему-либо — я отрублю тебе руки.

Цай Ян тут же взбеленился: — Ты еще кто такой?! Что хочу, то и делаю!

Цзанди Сюанькунь в упор посмотрел ему в глаза и чеканя каждое слово произнес: — Тебе лучше слушать, что я говорю.

Лицо Цай Яна исказилось от злости, казалось, он готов был броситься в драку. Ли Дуокай поспешно шагнул вперед: — Хватит, прекратите спорить. При входе ведь предупреждали: ничего не трогать. Цай Ян, тебе лучше соблюдать правила.

Цай Ян огрызнулся: — Чего? Ты и вправду возомнил себя здесь главным? А вот не хочу я тебе подчиняться, и всё тут! Тц! — Он демонстративно отошел к Лысому Хуну и искоса бросил презрительный взгляд на Ли Дуокаля и Цзанди Сюанькуня.

Лысый Хун громко рассмеялся: — Ладно вам, все же свои, не портите отношения из-за пустяков, ну посмотрел парень и посмотрел. Сяо Ян, тебе же велели ничего не лапать, слышал?

Цай Ян буркнул что-то неопределенное и замолчал.

Лысый Хун поднялся на ноги, окинул взглядом внутреннее убранство и присвистнул: — Ого-го! Если эти статуи вынести наружу, за них можно выручить уйму припасов! Тут же всё до единого из чистого золота!

Ли Дуокай нахмурился: — Лысый Хун, не болтай ерундой.

Тот отмахнулся: — Да я так, к слову. Ладно-ладно, уважу тебя! Просто поглазеем, можно ведь? — С этими словами он принялся разгуливать по залу, всё разглядывая.

Лицо Цзанди Сюанькуня оставалось суровым.

Ли Дуокай тяжело вздохнул. Он отчетливо видел, что Лысый Хун, похоже, полностью оправился после второй съеденной лепестки и теперь, набравшись сил, больше не собирался подчиняться его приказам. Завяжись сейчас драка — и Ли Дуокай не был уверен в победе.

Недолго думая, он отвел Цзанди Сюанькуня в сторону и встал плечом к плечу с Янь Чунем.

В этот момент большой зал незримо раскололся на два лагеря.

Лысый Хун, Цай Ян и Ли Гуй.

Ли Дуокай, Янь Чунь и Цзанди Сюанькунь.

В эпоху конца света людские сердца коварны, и во всем нужно соблюдать осторожность. Ли Дуокай хоть и был простоват, но дураком не являлся. Раньше он уже попадался на удочку Лысого Хуна, и теперь, вспоминая об этом, понимал: тогдашняя мягкость бандита была лишь средством заставить его спасти свою шкуру. Теперь же, когда нужда отпала, истинное нутро Лысого Хуна неизбежно вылезло наружу.

Цзанди Сюанькунь позвал: — Брат А-Кай, подойди, я хочу кое о чем поговорить.

— Что такое? — спросил Ли Дуокай.

Цзанди Сюанькунь тихонько произнес: — Тот Цай Ян замышляет недоброе, я чувствую, что на уме у него дурные мысли, ты уж будь начеку.

Ли Дуокай кивнул: — Не переживай, я прослежу.

Цзанди Сюанькунь добавил: — И еще, отдай мне Футу Цзяццо.

Ли Дуокай не стал раздумывать, достал цветок и протянул ему.

Цзанди Сюанькунь улыбнулся: — Ты даже не спросишь, зачем он мне?

Ли Дуокай ответил: — Ты сам его нашел.

Цзанди Сюанькунь пояснил: — Этот цветок вянет спустя двадцать четыре часа после среза, а после увядания теряет всю свою целебную силу. Если я оставлю его у себя, то к ночи придумаю, как его сохранить.

Ли Дуокай кивнул.

В этот момент он заметил, что Лысый Хун и остальные двое о чем-то шептались, сбившись в кучу, причем Цай Ян то и дело бросал на них странные, непредвещающие ничего хорошего взгляды.

Погода в те дни менялась на дню по несколько раз, снежная буря свирепствовала всё яростнее, и вскоре весь мир за окнами стал ослепительно-белым. Хотя толстые стены зала защищали от ветра и снега, внутри не было никаких обогревателей, и холод пробирал до костей. Лысый Хун приказал Цай Яну и Ли Гую собрать всё, что могло сгореть, свалить в кучу и разжечь костер, чтобы все могли сгрудиться вокруг него и погреться.

Вскоре наступила кромешная тьма.

Нравы людей вконец испортились.

Бескрайняя ночь рухнула с небес.

Пляшущие языки пламени остались единственным источником тепла во всем огромном зале.

Лысый Хун заговорил: — Сяо Ли, вы что, не подойдете погреться?

Ли Дуокай покачал головой: — Нет необходимости.

Лысый Хун усмехнулся: — Сяо Ли, по идее, ты спас мне жизнь, но сам понимаешь — нынче не те времена, когда стоит рассуждать о благородной благодарности. Хорошо еще, если добром за зло не платят.

Ли Дуокай оставил эти слова без ответа.

Янь Чунь разъяренно выпалил: — Лысый Хун, я, старый Янь, считал тебя настоящим мужиком, а ты оказался последней сволочью! Чего ты добиваешься?

Лысый Хун хмыкнул: — Да ничего особенного. Просто в животе отчаянно урчит, вот и хочу попросить у вас тот самый цветок!

Янь Чунь холодно рассмеялся: — А если мы не отдадим? Силой отнять вздумал?

— Ха-ха, отнимать силой — это как-то не по-джентльменски, я, Лысый Хун, мараться этим не стану. Однако то, что мне приглянулось, редко остается у меня в руках.

Цай Ян и Ли Гуи тоже презрительно ухмыльнулись.

Ли Дуокай произнес: — Лысый Хун, этот цветок годится только для исцеления, он не утолит голод. Тебе от него никакого толку.

— Толк или нет, а подобные сокровища надежнее держать при себе. Не говоря уже о том, что впереди нас ждет полная опасностей дорога, даже если прижмет голод — в самый критический момент он вполне может спасти жизнь. Сяо Ли, мне не хочется портить с тобой отношения, всё-таки мы прошли через смертельные испытания. К тому же ты мой спаситель. Отдай его по-хорошему, и я клянусь, что больше никогда не стану чинить тебе препятствий.

Ли Дуокай холодно бросил: — Раз уж ты платишь злом за добро, как я могу верить твоим клятвам?!

— Дерзкий щенок! Ли Дуокай, думаешь, я не посмею прикончить тебя?! — Цай Ян внезапно выхватил припрятанное в рукаве шип-жальце ледяного скорпиона и, тыча им в сторону Ли Дуокай, взвизгнул: — Сопляк, да сколько тебе лет вообще?! Сделал пару пустячных дел и возомнил себя пупом земли? Ха! Босс, чего с ними церемониться!

Цай Ян криво ухмыльнулся, его лицо сейчас совершенно не походило на то испуганное выражение, что было при встрече с опасностью.

Лысый Хун лениво отмахнулся: — Если можно обойтись без драки, лучше обойтись без драки.

Цай Ян зловеще осквернился: — Босс, такие ублюдки не начнут молить о пощаде, пока их не избьешь! По мне так, хе-хе, раз не хотят отдавать по-хорошему — выставить их за дверь, пусть ночуют на улице!

Лысый Хун дважды хмыкнул: — А ведь дельно! И руки марать не придется! И меня уже никто не упрекнет в неблагодарности!

Ли Дуокай и Янь Чунь синхронизировали движения, вскинув оружие.

— Лысый Хун, ты и вправду хочешь довести до бойни? — спросил Ли Дуокай.

Тот ответил: — Не хочу драться — так просто отдайте цветок.

Его лицо помрачнело, он протянул руку ладонью вверх и потребовал: — Сяо Ли, этот цветок тебе всё равно ни к чему. Отдай его мне, и я буду считать себя твоим должником. Доберемся до поста номер три — если у тебя возникнут проблемы, я помогу. Идёт?

Ли Дуокай холодно рассмеялся: — Я привык полагаться только на себя.

Улыбка полностью сошла с лица Лысого Хуна, он процедил сквозь зубы: — Значит, выбираешь жесткий путь?

Янь Чунь гневно оборвал его: — А ты думал, мы испугаемся?!

Лысый Хун перевел взгляд на него: — Старина Янь, мы ведь старые знакомые, ты уверен, что хочешь идти против меня?

Янь Чунь отрезал: — Если бы ты не затевал смуту, я бы и пальцем о палец не ударил.

— Хе-хе, раз так, говорить больше не о чем. — Не успело замереть эхо его слов, как Лысый Хун резко качнулся вперед и выстрелил в Янь Чуня. Тот никак не ожидал, что старый знакомый решится на смертоубийство, начисто забыв о былом товариществе. Успев среагировать лишь на чистых рефлексах, Янь Чунь попытался увернуться, но всё же опоздал на мгновение: пуля чиркнула по его плечу, фонтаном хлынула кровь, а автомат выпал из ослабевших рук! Ли Дуокай среагировал мгновенно, дважды бахнув из ствола, но Лысый Хун с громким хохотом увернулся, взмыв в сторону.

— Сяо Ли, ты еще слишком зелен! — хохотал бандит, стремительно сокращая дистанцию. В его руке блеснула зловещая темная вспышка. Ли Дуокай нахмурился, разглядев, что это была вовсе не пуля, а еще одно отравленное жало ледяного скорпиона. Выходит, не один лишь Цай Ян вынашивал злые замыслы — сам Лысый Хун еще в дороге начал плести эту паутину.

Ли Дуокай с горечью подумал, что и впрямь оказался чересчур наивен.

В этом жестоком мире людские сердца поистине непредсказуемы, а излишняя доброта способна лишь утащить тебя на дно!

Янь Чунь, преодолевая жгучую боль, перекатился набок, подхватил автомат и дал очередь. Стрелял он превосходно, и Лысый Хун не смел лезти напролом, однако ранение сильно сковывало движения Янь Чуня, снижая точность, так что бандит легко избегал попаданий.

В следующую секунду жало в руке Лысого Хуна со свистом рассекло воздух. Янь Чунь поспешно отшатнулся, и смертоносный шип на несколько дюймов вонзился в массивную дверь за их спинами. Лысый Хун резко дернул за тончайшую стальную струну, привязанную к основанию жала — та обладала невероятной упругости. Жало, совершив мертвую петлю в воздухе, ринулось прямо в спину Янь Чуню: было очевидно, что бандит посчитал старика главным препятствием на своем пути!

Ли Дуокай в ужасе подхватил с пола первый попавшийся под руку тяжелый предмет и метнул его наперерез летящему жалу. Раздался звонкий металлический удар, и жало с треском разлетелось на куски!

Все вокруг изумленно уставились на странный предмет, похожий на кусок железного прута.

Тот упал на каменный пол и со звонком завертелся волчком. Прочнейшее, твердое как металл жало ледяного скорпиона оказалось разбито вдребезги! Лысый Хун тут же сообразил, что перед ним необычная вещь, и ринулся вперед, пытаясь опередить остальных! Ли Дуокай тоже протянул руку, но внезапно Цай Ян запустил в него свое жало. Ли Дуокаю пришлось отпрянуть, и за этот миг промедления Лысый Хун уже почти дотянулся до артефакта!

Однако в этот самый момент стоявший до сих пор в стороне Цзанди Сюанькунь одним молниеносным движением подлетел к предмету, зажал его в пальцах, а затем мелькнул черной тенью — и вот он уже придавил Лысого Хуна к полу ударом ноги.

Юноша с любопытством оглядел вещицу в своей руке: — О, да это же ваджра.

Обернувшись к всё еще стоявшему с ошеломленным лицом Ли Дуокаю, он с улыбкой бросил: — Брат А-Кай, я подобрал её. — С этими словами он легко перекинул вещицу Ли Дуокаю. Тот рефлекторно поймал предмет и только теперь смог разглядеть его как следует. Это действительно оказался пестик для покорения демонов. За долгие годы он покрылся патиной, и неизвестно, как именно ваджра оказалась на полу, пока юноша не подобрал её ненароком. Потемневшее от времени железо было сплошь усыпано пылью, но стоило провести по нему пальцем, как сквозь налет проступали очертания былой резьбы, хотя в целом вещица по-прежнему выглядела невзрачной.

Убедившись, что Ли Дуокай поймал артефакт, Сюанькунь опустил взгляд на прижатого к полу

Лысого Хуна.

Тот лежал лицом вниз, придавленный легким на вид но юноши, но сколько бы ни тужился, не мог сдвинуться ни на сантиметр, отчего его лицо побагровело от натуги.

— Ты... да кто ты такой?!

Цзанди Сюанькунь не удостоил его ответом. Чуть наклонив голову, он произнес: — Получив в знак благодарности хотя бы каплю воды, должно вернуть ее полноводной рекой. А такие твари, как ты, отвечающие злом на добро, вызывают у меня лишь омерзение.

Он склонил голову набок, приняв совершенно безобидный вид, лукаво перекатил глаза и продолжил: — Такие, как ты, не должны жить. Впрочем, я размышляю о том, что убийство — дело неблагодарное. Поэтому я решил просто вышвырнуть тебя наружу. Как ты сам только что и предлагал.

Он обернулся к Ли Дуокалю: — Брат А-Кай, что скажешь?

Ли Дуокай нахмурился: — Раз уж ты его скрутил, тебе и решать.

Цзанди Сюанькунь, словно получив долгожданное одобрение, смачным пинком перевернул Лысого Хуна на спину, ухватил за шиворот, дотащил до дверей и с размаху выбросил за порог.

— А вы двое? Предпочитаете, чтобы я сам занялся вами?

Он ледяным взглядом уставился на Цай Яна и Ли Гуя.

Те, увидев, как расправились с их главарем, едва не лишились чувств от страха. Опасаясь, что свирепый мальчишка прикончит и их, оба бросились наутек к выходу.

Цзанди Сюанькунь плотно притворил двери и заглянул в щель: все трое жалко дрожали на ледяном ветру, совершенно растерянные.

Он весело рассмеялся: — Брат А-Кай, подойди, глянь. До чего же смешные эти трое!

Ли Дуокай подошел, мельком глянул на то, как Лысый Хун смотрит на него из темноты метели, и вздрогнул от нахлынувших мыслей: Такая силища, такая жуткая мощь у Лысого Хуна — а этот парень скрутил его одним движением, словно котенка. Кем же на самом деле является этот юноша?

Цзанди Сюанькунь успокоил его: — Брат А-Кай, они не посмеют вернуться. Не переживай!

Ли Дуокай коротко кивнул и принялся обрабатывать рану Янь Чуня. Тот молча следил за действиями парня, то и дело бросая настороженные взгляды на Цзанди Сюанькуня, который по-прежнему стоял у дверей, вглядываясь в снежную пелену. Ли Дуокай перехватил его взгляд и понимающе кивнул.

Оба прекрасно знали, что творится на душе у каждого, но сейчас было не время для лишних разговоров.

Закончив перевязку, Янь Чунь попытался шевельнуться, но тут же скривился от пронзительной боли.

— Брат Чунь, как только буря стихнет, нам нужно будет сразу выступать.

произнес Ли Дуокай. В этот миг он со всей ясностью осознал, насколько же опасен стал окружающий их мир.

В памяти всплыл образ Чжао Цзэ, и Ли Дуокай мысленно взмолился: Возвращайтесь скорее.

Оставалось еще десять дней.

Пустая оболочка

Ночь углубилась.

Нынешняя буря разыгралась куда сильнее и длилась дольше всех предыдущих.

Ли Дуокай примостился под жертвенником у подножия статуи Будды, пытаясь вздремнуть, а Янь Чунь уже спал неподалеку. Цзанди Сюанькунь сидел у дверей, скрестив ноги.

Сам Ли Дуокай не смыкал глаз. Перед его внутренним взором всплывали рассказы отца о тех временах, когда Земля еще была нормальной.

Говорили, будто где-то на северо-востоке Китая есть целый Ледяной город.

Каждую зиму местные жители выпиливали из речного льда гигантские глыбы и вырезали из них потрясающей красоты ледяные фонари, замки и самые разнообразные скульптуры.

Люди облачались в тяжелые теплые одежды, чтобы полюбоваться этим хрустальным миром.

Он никогда не мог взять в толк подобное увлечение: кому придет в голову наслаждаться видами ледяной пустыни?

Сам он в горных районах сизмальства насмотрелся на ледники, сугробы и наводнения, не находя во всей этой стихии ни капли прекрасного.

Было зябко.

Вдруг Ли Дуокай почувствовал, как чья-то рука осторожно касается его запястья. Он мгновенно прояснил сознание и увидел присевшего перед ним на корточки Цзанди Сюанькуня, который лукаво улыбался.

Юноша приложил палец к губам, призывая к тишине, и шепотом произнес: — Брат А-Кай, пойдем со мной.

— Куда? — спросил Ли Дуокай.

— Ну же, пошли! И прихвати с собой эту ваджру.

Цзанди Сюанькунь поднял его за руку, и Ли Дуокай, подобрав с пола тяжелый артефакт, послушно последовал за ним вглубь за статую Будды.

Снаружи сквозь щели пробивался мертвенно-бледный свет луны, отраженной от снегов. Ли Дуокай невольно вспомнил о Лысом Хуне и его компании — интересно, каково им сейчас там приходится?

Цзанди Сюанькунь обошел массивное изваяние, и только тогда Ли Дуокай заметил, что за статуей скрывается просторная площадка, пугающая своей пустой безмолвной чернотой.

— Зачем мы здесь? — поинтересовался он.

Юноша загадочно захихикал: — Хи-хи, сейчас покажу кое-что потрясающее.

Он в два счета взрабкался по спине каменного Будды и пару раз постучал в районе шеи статуи. Раздался глухой щелчок, и в каменной кладке открылся тайник. Вытащив оттуда небольшую шкатулку, Сюанькунь прыгнул обратно к Ли Дуокаю и протянул её: — На, брат А-Кай, держи.

Ли Дуокай не спешил брать: — Что это?

Не дождавшись ответа, юноша сам открыл латунную шкатулку, на крышке которой за давностью лет едва угадывались выцветшие узоры в виде лотосов.

Внутри лежал вырезанный из нефрита рыбий оберег размером с дюйм, подвешенный на красном шнурке. Сюанькунь поднял его, и нефрит замерцал мягким зеленоватым светом.

— Дарю тебе.

— Я не могу это взять, — покачал головой Ли Дуокай.

Он ничего не смыслил в нефрите, но прекрасно чувствовал, что вещь баснословно дорога.

— Откуда ты вообще знал, что здесь спрятан оберег?

Цзанди Сюанькунь улыбнулся: — Потому что я сам его сюда положил. Брат А-Кай, я хочу отдать его тебе.

— Это слишком ценно, оставь себе, я не приму.

На мгновение лицо юноши омрачила тень разочарования: — Но ведь он изначально предназначался тебе.

Ли Дуокай не понял смысла его слов и уже собирался переспросить, как вдруг снаружи донесся испуганный крик Янь Чуня.

Ли Дуокай бросился к выходу, а Цзанди Сюанькунь тяжело вздохнул, спрятал нефрит ближе к телу, вернул шкатулку на место и тоже направился к дверям.

На пороге стояли выбежавшие Янь Чунь и Ли Дуокай.

На обледеневшей земле плашмя лежал человек, превратившийся в настоящий ледяной столб, но в очертаниях еще угадывались человеческие черты. Втащив окоченевшее тело внутрь, они присмотрелись и обомлели: перед ними лежал Ли Гуй. Вот только вся одежда с него была содрана наголо. Сам Ли Гуй при жизни отличался тучным телосложением, но теперь на его животе не осталось ни грамма плоти — зияла лишь пустая глазница тела.

Ли Дуокай потрясенно прошептал: — Что здесь стряслось? Неужели объявилось какое-то новое чудовище?

Цзанди Сюанькунь бросил на мертвеца мимолетный взгляд и холодно ухмыльнулся: — Можно сказать и так.

— В каком смысле? — нахмурился Ли Дуокай.

<http://bllate.org/book/19308/1889231>